

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТРАТЕГИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. С. Жбанкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2018 г.

Аннотация: предметом исследования в статье является образ Ивана Грозного в русском фольклоре и древнерусской литературе. Автор определяет основные тенденции изображения Ивана IV в народном творчестве, что позволяет выстроить типологию образов царя в фольклорных текстах. Данная типология основывается на тех социальных ролях, которые Иван Грозный играет в том или ином произведении.

Ключевые слова: Иван Грозный, русский фольклор, литературная типология, древнерусская литература, художественный образ.

Abstract: the subject of the study in the article is the image of Ivan the Terrible in Russian folklore and ancient Russian literature. The author determines the main trends in the image of Ivan the IV in folk art, which allows to build a typology of images of the tsar in the folklore texts. This typology is based on those social roles that Ivan the Terrible plays in a particular creation.

Keywords: Ivan the Terrible, Russian folklore, literary typology, ancient Russian literature, artistic image.

Изучение образа исторической личности в фольклоре зачастую вызывает ряд трудностей. Еще А. Н. Веселовский поставил вопрос о соотношении народных преданий и исторической действительности, отраженной в них. Именно в фольклоре наиболее ярко воплощаются народная память и исторический опыт страны. Но в то же время в жанровом и сюжетном многообразии устного народного творчества бывает сложно выделить единую концепцию отношения к героям прошлого.

Особый интерес представляет личность Ивана IV и его восприятие народным сознанием XVI века. В отечественной истории трудно обнаружить правителя, которому уделено столько народного внимания в устном творчестве. Про него слагаются песни, былины, сказки, повести, колыбельные, анекдоты. И жанровое разнообразие произведений об Иване Грозном переплетается с разнообразием оценок его личности и деятельности.

При попытке структурировать фольклорные тексты о Грозном по жанровому признаку единая концепция не выявляется, так как в каждой жанровой группе он представлен во множестве образов и с разной оценкой. В первую очередь, необходимо учитывать, что перед нами реально существовавший человек, и большую роль в его изображении играет сюжетная составляющая, которая прикрепляется к исторической личности. Подобные тексты представляют собой синтез реакции на современность и подчинение полученных в ходе исторического

анализа сведений «канонам народной поэзии» [2, 8]. «Бессознательное творчество народа отличается верным тактом, побуждающим его приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию исторического лица» [3, 311]. Таким образом, жанр, безусловно, влияет на формирование образа Ивана IV, подчеркивая и оттеняя стороны его личности, однако не является принципиально определяющим.

Проблему представляет сложность охвата всех текстов XVI—XVII вв. об Иване Грозном, однако изучение основных доступных произведений позволяет определить некоторые тенденции, связанные в основном с теми социальными ролями государя, которые доминируют в том или ином сюжете. К примеру, будучи в статусе царя, можно одновременно исполнять роль мужа, полководца и т.п.

Первая группа представлена произведениями, в которых Иван Грозный изображен как *царь — освободитель русских земель, царь — покоритель врагов*. Этот ряд можно дополнить тождественными понятиями: защитник, полководец. Преимущественно это произведения ратной тематики, посвященные успешным военным походам Ивана Грозного. Здесь явно ощущаются характерные для фольклора явления: эпически-наивное восприятие исторических фактов, героизация образа главного персонажа. Как правило, в жанровом отношении это исторические песни и повести («Поход на Казань», «Взятие Казанского царства», «Набег крымского хана», «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»

и др.). Причиной распространенности именно этих жанров могут служить успешные военные походы Ивана Грозного, которые после объединения Руси в централизованное государство воспринимаются народом как освободительные. Также популяризации исторической песни способствуют и царские «заказы». Современники Ивана Грозного отмечают, что он любил на пирах слушать песни о своих военных подвигах. Особо выделяются песни о Казанском походе, так как в народном сознании победа в нем знаменует становление Ивана IV как царя-самодержца, наделенного Божественной властью и силой. Так, в одном из вариантов «Песни о взятии Казани» видна трансформация из московского князя в царя:

*Он царский костьюль в руки принял
И во время князь воцарился
И насел в Московское царство.*

В этих песнях в основном акцентируется конкретный эпизод захвата крепости с подрывом стен, когда Иван Васильевич злится на пушкарей:

*Воспалился тут великий князь Московский...
И зачал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.*

Причина царского гнева — неправильный расчет времени взрыва и насмешки врагов. Эпизод свидетельствует, что в народе знали сильные и слабые стороны характера своего царя. Он показан вспыльчивым, подозрительным, скорым на расправу, но и отходчивым, справедливым, готовым признать свою неправоту.

Часто исторические песни стилистически сближаются с былинами, в связи с чем царь-завоеватель отождествляется с богатырями:

*Скопляя силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.*

Недвусмысленные параллели с Ильей Муромцем только подчеркивают значение Ивана Грозного как народного защитника.

Казанский поход высоко оценивается не только в русском творчестве. Так, преимущественно мордовское население оставило много легенд и преданий о царе-спасителе. Положительное отношение к царю отражает легенда «о мордовской девушке, предупредившей Ивана IV о готовящемся против него заговоре и ценой собственной жизни спасшей царя» [4, URL].

В эту группу произведений также включены истории о внешнеполитической деятельности царя. Иван Грозный изображен искусным политиком и ярким защитником своего государства. Например, в «Легендарной переписке Ивана Грозного с турецким султаном» царь предстает единственным противником магометанских правителей. Он первым из современных ему государей отказывается платить дань султану и уверенно заявляет о своей военной мощи. В этой стилизованной переписке сила царя подкреплена Божьей волей: «*Могу все это сотворить, ибо*

Господь и Бог мой, Иисус Христос, поможет в борьбе с неверными, покорит их царства мне».

Вторая группа включает в себя тексты, где доминирует изображение Ивана IV как *царя-тирана*. В основном это творчество жителей Новгородских земель и Псковских. Сюда же примыкают сказания народов, которых насильно крестил царь.

В XVI веке многие новгородские тексты посвящены военному походу на город в 1570-м году и его последствиям. В них Иван Грозный не просто жестокий тиран, а бесчестный и безбожный разоритель. Пример тому — «Повесть о разгроме Новгорода», имеющая около восьмидесяти вариантов. Вначале жестокий поход царя оправдывается неподтвержденной клеветой бояр о предательстве новгородцев: «*И от сих неистовых ложных глагол ожесточи бог сердце благочестивому государю*», однако дальнейшее повествование затеняет этот эпизод. По сути, он трансформируется из оправдательного в объяснительный: раскрывается коренная причина похода — гнев царя на вольное решение города. Также существуют варианты повести, в которых отсутствует момент «оправдания» царя. Таким образом, описываемые в тексте бесчинства Ивана IV и опричников становятся главной трагедией для народа.

Постоянная номинация правителя «*благодарный/благочестивый государь царь и великий князь*» диссонирует с описанием бессмысленного разорения города и казней взрослых и детей: «*...и повеле государь их пред собою горце и люте и безчеловечне различными муками мучити... повеле государь телеса их... мудростию огнею поджигати*».

Точечные события новгородского погрома, как например, потопления новгородцев в реке Волхов и разорение церквей, находят отражение в историях «Приехал грозный царь в Новгород» и «Казнь колокола», реализующих традиционный для фольклорных текстов сюжет о справедливом суде над антигероем. В первой сказке против царя восстают как силы природы (река Волхов), так и карающие Божественные силы: «*В то самое времечко стало царя огнем палить: стал огонь из земли кругом Грозного выступать. Поскакал царь Иван Васильевич прочь — огонь за ним. Он скачет дальше — огонь все кругом!*» В «Казни колокола» очистительная сила церковного колокола убивает коня Ивана. Таким образом, в XVI веке на фольклорные тексты новгородской области значительное влияние оказывают события 1570-го года. Соответственно в сознании жителей близлежащих земель доминирует образ не великого полководца-царя, а образ жестокого царя-убийцы, посягнувшего на права и свободы Новгорода.

В Псковской области также бытуют сказки о царе-разорителе. Помимо гневных порицаний Ивана Грозного и обвинения его в жестокости и кровожадности в них часто транслируется сюжет трансформации самонадеянного узурпатора в униженного труса. Так,

в повести «Грозный царь и архимандрит Корнилий» Иван IV, пытаясь взять крепость, отсекает голову священнику. Пойдя против церкви, а значит, и против Бога, антигерой несет мгновенную расплату: *«Корнилий взял свою голову в руки да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий преподобный за ним, а в руках все держит голову»*. Иван настолько испуган, что вынужден с позором бежать *«в чем был, все оставил: коляску, седло, ложки... кошелек с деньгами забыл... После того под Опсков и не ездил»*. Возможно, что подобные сказки возникают непосредственно во время осады Иваном Грозным Пскова, и цель их — вселить боевой дух в жителей города.

Такие критические по отношению к царю тексты относительно всего фольклора XVI в. остаются в меньшинстве. Однако их значение настолько велико для народного сознания и прочно укоренились в нем, что отголоски этих песен и повестей находят даже в апологетических и оценочно нейтральных произведениях. Например, в «Гневе Ивана Грозного на сына» о Новгородском погроме напрямую не говорится, но через описание действий царя и опричников становится очевидно, о каком событии идет речь:

*На воротах мы записи повыписали,
По углам номера выставливали,
Что эти улицы плененные-казненные.*

Третья группа представляет собой фольклорные произведения, где Иван Грозный изображается как *царь-отец, царь-муж*. В таких текстах демонстрируются события из семейной жизни правителя: смерть жены, молитва о сыне, выбор невесты. Произведения этой группы примечательны глубокой политизированностью всех действий царя и членов его семьи. Иван IV остается верен царскому долгу, даже исполняя другие социальные роли (муж, отец). В первую очередь, подобные произведения затрагивают проблему искоренения измены на Руси. Необходимо разъяснить, что в XVI веке «измена» понималась как «смысл и характер действий боярской оппозиции, начиная от скрытого недовольства политикой Ивана IV и кончая заговорами и предательством» [5, 7]. Здесь показательна одна из самых популярных песен конца XVI в. «Гнев Ивана Грозного на сына».

Во всех вариантах «Гнева» Иван Васильевич изображен вспыльчивым, гневливым и скорым на расправу правителем, который без разбирательства по первому навету готов казнить своего сына. Однако подобные отрицательные черты царя меркнут относительно главного конфликта песни: это не злоба отца на сына, а деятельность правителя в защиту своего государства от деструктивных поступков бояр. В фольклоре традиционный образ «царя-батюшки» соотносится только с отцом государства.

Тема противоречий между царем и боярской верхушкой неоднократно всплывает в дальнейшем сюжетном развитии песни и трактуется всегда совершенно определенно: царь и бояре — враги, которых

ничто не примирит. Песня «Иван Грозный молится по сыну» продолжает эту традицию: бояре не понимают царя и не сочувствуют его горю, соответственно воспринимаются как враги.

Немаловажны в данном контексте произведения о женах Ивана IV. Большой любовью народа пользовалась первая супруга царя Анастасия. В народном сознании она предстает хранителем нравственности и моральных устоев Грозного. В песне «Смерть царицы Анастасии» ее утрата становится настоящим государственным горем, так как теперь никто не сможет следить за выполнением ее наказов:

*Ты постой-ко-се за веру православную...
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
До чужих-то до деточок...*

Особое отношение недоверия устанавливается к черкешенке Марии Темрюковне. Даже умирающая Анастасия в «Смерти царицы» просит Ивана Грозного не связываться узами брака с иноземкой. Женитьба на ней в устном творчестве воспринимается поначалу как повторное вторжение иноверцев на русские земли. Однако в разнообразных вариантах «Повести о женитьбе на Марии Темрюковне» царь оправдывается выгодным союзом, который помог присоединить к русским землям Астрахань.

Интимная жизнь царя-мужа в народном творчестве никак не затрагивается. Он может испытывать симпатии, ревность к своим женам, но в остальном он асексуален. Всякий семейный сюжет имеет политическую подоплеку, подразумевающую выбор царя между государством и семьей. В народном сознании XVI в. для Ивана Грозного этот выбор определен в пользу государства.

Четвертая группа характеризуется изображением Ивана IV как *царя-правителя*. Социальная роль правителя в данном случае раскрывается в коммуникации с подданными, представителями Божественных или сказочных сил и в ведении внутренней политики. Именно в коммуникации раскрываются личные качества царя: вспыльчивость и в то же время отходчивость, хитрость и доверчивость, щедрость и суровость, жесткость и добросердечие.

Слово правителя приобретает волшебную и неоспоримую мощь, которая защищает простой народ от темных сил. В истории «Сороки-ведьмы» излишняя набожность Ивана Грозного выступает главной силой, избавляющей Москву от колдовства.

*«Разгневался тогда Грозный-царь и послал им
вслед проклятие:*

*– Чтобы вам,— говорит,— отныне и до веку
оставаться сороками!*

*Так все они и теперь летают сороками, питаются
мясом и сырыми яйцами. До сих пор боятся они царского
проклятия пуще острого ножа».*

В сказках царь наделяется способностью укрощать стихии ради благополучия своих подданных. Так, в истории «Наказание Волги» Иван IV ударами

хлыста усмиряет реку, мешающую его войску переплыть на другой берег. По сути, так народ воспринимал и реальные царские наказания людей: физическая расправа становится единственным методом успокоения «измены», которая угрожает жизни государства:

После третьего удара, который палач отвесил изо всей мочи, кровь махнула на три аршина, и рубец оказался пальца на три толщины — совсем присмирела тогда Волга.

— Довольно, — сказал Грозный-царь, — вот как вас надо проучивать!

В этом предании реализуется бродячий сюжет наказания реки, который отмечается еще в произведениях о Ксерксе, Александре Македонском, царице Тамаре, Петре I. В этом мотиве гнев правителя на препятствующую стихию всегда оправдан.

Помимо сурового нрава в народном творчестве выделяется и мудрость, справедливость и честность царя. Это и прямое восхваление качества: *«Уж он, наш белой царь, он хитёр был, мудёр, / Он хитёр и мудёр, мудрей в свете его нет»*, и сами сюжеты преданий и сказок. Так, в сказках «О Горшене», «О царе Иване и старце», «О Шибарше», «О лапотнике», «О воре Барме» говорится о том, как Иван Грозный ценит людскую мудрость. Он постоянно проверяет персонажей, оценивает силу их ума, и мудрые всегда получают от него награду.

Подобные «ситуативные» произведения повествуют и о негативных качествах Ивана Грозного. Для произведений конца XVI века характерна тема подозрительности, мнительности царя, которые не оправдываются в народном сознании. Одна из самых ярких историй на эту тему «Почему завелась на Руси измена». Царь обманывает старца, через которого с ним говорит Бог, проявляя большую заботу о своей армии (символе защиты царя от врагов), чем о простом народе. А. Н. Веселовский объясняет существование такого негативного по отношению к Ивану IV предания существованием «народной редакции и боярской» [3, 152]: «Бояре не любили его, и боярская сказка о неравном дележе явилась подходящим выражением этой неприязни» [3, 164]. Этот текст особо выделяется на фоне других сказок, где царь всегда на стороне народа и никогда его не обманет. Он легко идет на контакт с бедняками, старцами и ремесленниками. В целом, царь-правитель представлен «народолюбцем, искоряющим боярскую крамолу» [3, 153].

В XVII в. в народном творчестве наблюдается усиленная идеализация царя. Она связана с тяжелыми внешне- и внутривнутриполитическими ситуациями, и время правления жесткого и сурового Ивана кажется лучшим, прогрессивным. П. И. Мельников-Печерский в комментарии к песне «Гнев Ивана Грозного на сына» отмечает, что «добрый народ наш не помнит лиха про своих государей» [4, URL]. Показа-

тельно, что песни и плачи о смерти Ивана IV носят апологетический характер. В них вспоминаются его достижения во благо Руси, сила и суровость в принятии решений (которые обеспечивали защиту народа).

Все описанные стратегии практически не пересекаются в произведениях. Примечательно, что образ Грозного-тирана не соотносится в народном творчестве с образом царя-освободителя. Но царь-правитель может совмещаться с царем-мужем или царем-полководцем. В любом случае всегда на передний план выступает одна социальная роль царя, остальные служат фоном, дополняющим ее.

Несмотря на разноликое изображение Ивана IV в русском фольклоре, большинство исследователей считают, что апологетическое отношение к царю доминирует во всем народном творчестве. Правитель Руси суров, вспыльчив, но справедлив, поэтому простой люд всегда видит в нем защитника и помощника в решении проблем.

Выделенные основные фольклорные инварианты образа Ивана Грозного накладываются на авторские интерпретации: литературные тексты перенимают концепции, сложившиеся в народном сознании. В зависимости от сюжета, наполненного определенной эмоциональной оценкой, формируется соответствующее восприятие Ивана Грозного. Например, в текстах XVIII века представлен образ царя-покорителя («Россиада» М. М. Хераскова, «Покорение Казани» Г. Р. Державина). Яркий пример царя-тирана дан в текстах А. К. Толстого («Князь Серебряный», «Василий Шибанов», «Старицкий воевода»). Царь-муж изображен в «Смерти Ивана Грозного» А. К. Толстого и драме Островского «Василиса Мелентьева». А пример царя-правителя обнаруживается в комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич».

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины и исторические песни / В. Ф. Миллер. — Т. 3. — М.: Мосполиграф, 1928. — 360 с.
2. Горелов А. А. Иван Грозный в сборнике Кириши Данилова // А. А. Горелов // Русский фольклор. Материалы и исследования. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — Т. 35. — С. 6—24.
3. Веселовский А. Н. Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. Т. 16 [Сер. 5: Фольклор и мифология. Т. 1. Статьи о сказке. 1868—1890]. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. — 379 с.
4. Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края / Ю. А. Курдин. — Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/history/35740.php?ELEMENT_ID=35740&SHOWALL_1=1.
5. Путилов Б. Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына / Б. Н. Путилов // Русский фольклор. Материалы и исследования. IV. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. — С. 5—32.
6. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записан-

ные Гильфердингом летом 1871 года / А. Ф. Гильфердинг.— Изд. 4-е.— М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.— 812 с.

7. Изборник. Сборник произведений литературы

Древней Руси / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев.— М.: Художественная литература, 1969.— 800 с.

8. Легенды, предания, бывальщины / сост. Н. А. Кри-
ничная.— М.: Современник, 1989.— 286 с.

*Воронежский государственный университет
Жбанкова М. С., аспирант кафедры истории и типоло-
гии русской и зарубежной литературы
E-mail: jurnalist31@yandex.ru*

*Voronezh State University
Zhbankova M. S., Postgraduate Student of the History and
Typology of Russian and Foreign Literature Department
E-mail: jurnaist31@yandex.ru*